

6. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс // Вестн. Ом. ун-та. – 1997. – Вып. 2. – С. 51–54.

The article discusses the features of the implementation of interpretive speech acts in scientific and political discussion. A comparative analysis of a number of formal and communicative parameters that can reflect the originality of the studied speech phenomena is carried out. The author reveals connections between the essential features of each type of discussion and the characteristics of the functioning of interpretive speech acts.

Поступила в редакцию 16.09.2020

О. И. Десюкевич

АКСИОЛОГЕМА *ЗЕМЛЯ* В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. АЛЕКСИЕВИЧ «ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА»

Целью статьи является экспликация содержания языкового знака *земля* в диалогической структуре текста Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва» и анализ его реконструкции в переводе на английский язык. Путем анализа метафорики и контекстуального анализа каждого значения полисеманта делается вывод о частичном расширении денотативного измерения концепта *земля* и кардинальном переосмыслении его сигнификативного измерения в пространстве текста относительно зафиксированных словарями. Аксиологема *земля* получает в целом адекватную реконструкцию в переводе с учетом ассоциативного фона знаков *earth, land, soil, ground, dust, home*, благодаря чему читатель перевода в полной мере осознает масштаб катастрофы, вынуждающий людей отказаться от привычной картины мира и искать новые способы взаимодействия с ним.

Светлана Алексиевич создала особый тип документальной прозы, который имеет целью зафиксировать, интерпретировать и обобщить опыт, полученный множеством людей под воздействием глобального события. Предметом художественного постижения являются факты ментального мира – не конкретные события, а то, как они были «пережиты» и осмыслены людьми, к нему причастными. Так, книга, о которой идет речь в статье, – «Чернобыльская молитва» – не является описанием катастрофы на атомном реакторе, это коллективный опыт осмысления того, чего раньше не случилось, к чему и восприятие, и язык оказались не готовы.

Тип текста, по словам Светланы Алексиевич, «вживляемый» ею в литературу и получивший в литературоведении целый ряд определений – «эпически-хоровая проза, роман-оратория, соборный роман, документальное самоисследование» [1, с. 241], характеризуется диалогическими отношениями между голосом автора и голосами персонажей, свидетелей. Вводная часть, в которой звучит голос автора, а именно часть, названная «Интервью автора с самим собой о пропущенной истории и о том, почему Чернобыль ставит под сомнение нашу картину мира», суммирует сказанное персонажами. Автор во вступительном эссе дает компрессию того, что будет сказано в основной части устами героев, и, обобщая концептуализацию разных

людей, выявляет «спорные зоны» в интерпретации события и на этом фоне высказывает собственное осмысление произошедшего. Вводное эссе является тем типом текста, который Ю. С. Степанов назвал минимализацией: «Смысл минимализации в том, что она заменяет обширные подлинные авторские тексты их сжатым изложением, компрессией текста» [2, с. 64], подчеркивая при этом, что она должна рассматриваться как способ существования концепта, своеобразный национальный жанр словесности, «не “облегченное” постижение, а противопоставление “внешнего” и “умопостигаемого”» [2, с. 64].

Диалогические отношения между голосом автора и голосами персонажей в авторском эссе отличаются по степени трансформации исходного сообщения в дискурсах персонажей при их перемещении в авторский дискурс. В некоторых случаях меняется лишь план выражения в направлении актуализации оценки, усиления экспрессии, как, например, в случае с фрагментом «Хоронили землю в земле... Новое человеческое занятие» [3, с. 266], который в авторском вступлении трансформируется в фигуру речи – оксюморон: «занимались новым человеческим нечеловеческим делом» (с. 43)¹. В других случаях оценки героев и автора противоположны, авторское утверждение звучит как реплика в споре. Так, один из героев констатирует: «Называют ее аварией, катастрофой. А была война. И наши чернобыльские памятники похожи на военные» (с. 229). Автор же, неоднократно акцентирующий мысль на том, что смешивать войну и катастрофу – значит пытаться использовать для осмысления случившегося привычный, но не адекватный ситуации концептуальный аппарат, спорит со своим героем: «Но человек не хочет об этом думать, потому что не задумывался над этим никогда, он прячется за то, что ему знакомо. За прошлое. Даже памятники Чернобыля похожи на военные...» (с. 42).

Целью данной статьи является экспликация содержания языкового знака *земля* как важнейшего фрагмента аксиологического пространства текста и анализ его реконструкции в наиболее точном переводе на английский язык [4].

Предваряя анализ языкового знака *земля*, следует сделать вводные замечания относительно концептуализации центрального события. Для части свидетелей катастрофы, мыслящих привычными метафорами, Чернобыль был еще одной *войной*, что находит отражение в их дискурсах: как *бестелесный враг* воспринимается радиация (*как защититься от физики, от невидимых частиц*, – задается вопросом один из персонажей), отселяемые люди называются *беженцами*, те, кто убивали животных, уподобляются *карателям*. «Высвечиваются» в такой метафорике следующие аспекты события – степень вреда, причиненного катастрофой, и степень мобилизации людей, ликвидирующих ее последствия. Остающаяся «затемненной» фоновая часть концепта-источника – ‘наличие двух конфликтующих сторон’

---

¹ Для избежания повтора страницы анализируемого произведения [3] даны в круглых скобках.

и 'намеренное причинение вреда' – актуализируется в метафорическом уподоблении атома преступнику, имеющему сообщника. Описанная метафорика может быть объединена имплицитным образом пострадавших людей – *жертв* катастрофы.

В дискурсах некоторых персонажей возникает концептуальный бленд, основанный на метафорах *Чернобыль – апокалипсис* и *страдание – капитал*: люди, пережившие последствия катастрофы на собственном опыте и получающие помощь, – *продавцы апокалипсиса* (с. 161), которые *торгуют несчастьем* (с. 166), *страхом* и *страданием* (с. 213), причем не для всех это основание для осуждения, страдание может пониматься как единственная константа в изменившемся мире: «С Чернобылем живет “растерянное поколение”... Мы растерялись... Неизменным осталось только человеческое страдание... Наш единственный капитал. Неразменный!» (с. 233).

Мировоззренческой, мотивирующей роль *наблюдателя*, является «зрелищная» метафора: один из персонажей смотрит на себя глазами людей, не причастных к событию, как на *редкий экспонат* (с. 63), мир, лишенный привычных свойств, воспринимается другим персонажем как *нереальный*: «И у меня появилось чувство: все, что вокруг, неправда. Я – среди декораций... И мое сознание это не в состоянии освоить, ему не на что опереться» (с. 156). Масштаб изменений привычного мира мотивирует неспособность адекватно воспринять событие, эмоциональную реакцию ужаса, смешанного с недоверием собственным органам чувств, отсюда метафора *Чернобыль – фабрика ужасов, мультик*.

Наряду с «негативным» образом события, под которым понимается реакция отрицания его исключительности или признание невозможности осмыслить это событие, в отдельных дискурсах персонажей отмечается попытка сформулировать образ «позитивный», в котором опыт страдания рассматривается как отправная точка для трансформации мировоззрения. Изменение должно начаться с переоценки привычных представлений, их «остранения» (отметим оксюморон в авторском дискурсе *знакомый незнакомый мир*) и принятия пусть болезненных, глубоко травматичных, но необратимых изменений. Остраненный взгляд, признание абсурдности привычных представлений о мире касаются прежде всего социального устройства, изменения мыслятся в терминах *взрождения, излечения, освобождения, созидания нового*: «У нас была детская картина мира. Жили по букварю. Не одни мы, а всё человечество стало умнее после Чернобыля. Повзрослело. Вступило в другой возраст» (с. 188); «Чернобыль развалил империю, он излечил нас от коммунизма... От подвигов, похожих на самоубийство... От страшных идей» (с. 276); «Чернобыль освободил нас. Учились быть свободными» (с. 199). В совершившейся трагедии «позитивный» взгляд способен за актом разрушения разглядеть новое созидание: событие рассматривается и как то, 'что усугубило социальную катастрофу': «Чернобыль ускорил развал Советского Союза. Взорвал империю» (с. 187), и как 'творящее начало, событие, превращающее белорусов в нацию': «Так

норвежцам нужен был Григ, а евреям Шолом-Алейхем, как центр кристаллизации, вокруг чего они смогли объединиться и осознать себя. А у нас это – Чернобыль... Что-то лепит он из нас... Творит... Теперь мы стали народом. А не дорогой – из России в Европу или из Европы в Россию. Только теперь...» [3, с. 314].

Центральным в интерпретации чернобыльской катастрофы является мотив тотального изменения мира, который отражается также в концептуализации ключевого знака *земля* на уровне ассоциативных и индивидуальных сем, его изменения наблюдаются в предикатах как аналитического, так и синтетического характера:

1) ‘Планета как место жизни и деятельности человека’:

- прежде осмысливаемая как вечная, она стала осознаваться как хрупкая, которую можно уничтожить в один момент: *Человек с топором или луком, даже человек с гранатометом и газовыми камерами не мог убить всех. Но – человек с атомом. Тут... Вся земля в опасности* (с. 289);

- в географическом отношении большая, разделенная на континенты и страны, – маленькая и единая: *Земля вокруг стала такая маленькая, это не та земля, которая была во времена Колумба* (с. 49).

2) ‘Одна из четырех стихий’: *та же земля, та же вода* (с. 42); *Чернобыль... Над войнами война. Нет человеку нигде спасения. Ни на земле, ни в воде, ни на небе* (с. 75).

3) ‘Верхний слой земной коры, грунт, почва’:

- в традиционной картине мира ‘источник жизни, естественная среда обитания многих живых существ’, подвергшись заражению, превратилась в губительную, мертвую субстанцию: *Хоронили землю в земле... С жуками, пауками, личинками... С этим отдельным народом, миром* (с. 137); *расстрелять зараженную землю или дерево* (с. 43); [о радиации] *что-то такое, что на земле лежит и в землю лезет, а увидеть нельзя* (с. 55); *Я – ученый. Я всю жизнь думаю о земле. Изучаю землю. Земля такая же загадочная материя, как и кровь* (с. 205);

- ‘приносящая плоды’ превратилась в бесплодную: *нельзя же ободрать всю землю, снять с нее все живое... ободранная, бесплодная земля* (с. 254);

- является основой существования крестьянского мира, привычной деятельности (собрали урожай): *Мать довольна... Доверие земле... Вечному крестьянскому опыту. Даже смерть сына не перевернула привычный мир* (с. 178);

- ‘сакральное пространство, предназначенное для захоронения, последний приют’, также рассматривается остраненно, профанируется как в отношении человека, так и почвы: *земля – не пух, а тяжелая глина* (с. 53); *Земля всех принимает: и добрых, и злых, и грешников. А больше справедливости на этом свете нет* [с. 55];

- ‘черный, цвета земли’, изменение цвета превращает мир для персонажа в совершенно незнакомый: *Верхний зараженный слой земли снят и захоронен, вместо него насыпали доломитового песка. Как не земля... Не на земле* (с. 129).

4) Земля как знаковая система: *мы, как птицы, по земле, по траве, по деревьям читали* (с. 216).

5) 'Территория, находящаяся во владении, пользовании, возделываемая' превращается в ничью, люди, покидающие землю своих предков, чувствуют себя изгнанниками: *Они никогда не покидали свой двор, свою землю* (с. 306); *Пустите нас сюда... То ж наша земля. Наши хаты. Плакали по отравленной земле* (с. 105); *Вырывается из земельки наш корень. Деды, прадеды тут жили. ... беда гонит со своей земли* (с. 214).

6) 'Объединяющая людей территория' стала чернобыльской землей, зоной: *Земля мертвых* (название первой главы); *мы – материал для научных исследований. Лаборатория. В центре Европы. Нас, белорусов, десять миллионов, больше двух миллионов живет на зараженной земле. Естественная лаборатория* (с. 173)].

7) 'Время жизни, пребывания до загробной жизни': *кто прочнее и выше на земле – мы [люди] или они [животные]* (с. 48); *Бог дал знак, что гостюет человек на земле, он не дома тут, он в гостях* [с. 221]; *Прожив жизнь, смиренно покидали эту землю, уходя в нее, становясь ею* (с. 306).

8) Выделяемое в словаре значение 'суша' (в отличие от моря) в изучаемом произведении не актуализируется, поскольку данная оппозиция нерелевантна, существеннее семиотизация вертикального измерения пространства – в произведении выделяется оппозиция земли и неба, космоса. Однако вторичное значение, основанное на ассоциации с трезвым взглядом на реальность, существенно: *«Загрязнена» не только наша земля, но и наше сознание. И тоже на много лет* [3, с. 291]; *У нас, белорусов, нет Толстого. Нет Пушкина. А есть Янка Купала... Якуб Колос... Они писали о земле... Мы люди земли, а не неба. Наша монокультура – картошка, мы ее копаем, садим и все время в землю глядим. Долу! Вниз!* (с. 314).

9) 'Человек, люди': *прах ходящий [о животных] и земля говорящая [о человеке]* [3, с. 138]; *Работала пропаганда. Фабрика грез... Охраняла наши мифы: мы везде выживем, даже на мертвой земле... Я понял, как легко стать землей* (с. 259); *Прожив жизнь, смиренно покидали эту землю, уходя в нее, становясь ею* (с. 306).

В переводе романа на английский язык лексеме земля соответствуют в разных значениях слова *earth, land, soil, ground, zone, dust, world* (таблица).

Эквиваленты языкового знака земля в переводе произведения

Земля	<i>earth</i>	<i>land</i>	<i>soil</i>	<i>ground</i>	<i>zone</i>	<i>dust</i>	<i>world</i>
'планета'	+						+
'стихия'	+	+					
'почва, грунт'	+	+	+	+			
'знаковая система'		+					
'возделываемая'		+	+		+		
'объединяющая людей'		+					
'время жизни'	+	+					
'реальность'	+			+			
'человек'			+			+	

Денотативное измерение коллективного концепта *земля* несколько отличается от зафиксированного словарями, в частности, одним из его контекстуальных значений оказывается ‘человек’. Что же касается сигнификативного измерения, то оно последовательно переосмысливается, на этом уровне отчетливо формулируются оппозиции нормального и аномального: устойчивые ассоциации, признаки, присущие земле (т.е. выраженные в аналитических суждениях), утрачиваются – ‘широкая, большая’ (планета) превращается в ‘маленькую’, ‘безопасная’ (стихия) становится ‘губительной’, ‘источник жизни’ (почва) превращается в ‘источник опасности’, ‘хорошо известная, понятная’ (знаковая система) становится ‘непривычной, незнакомой’ и т.д. Изменения аксиологического характера являются наиболее травматичными, поскольку существенно видоизменяют казавшиеся неоспоримыми максимы поведения и даже затрагивают идентичность человека: прежде вызывающий осуждение отказ от земледелия теперь предписывается в качестве нормы, люди, привыкшие к оседлому образу жизни, испытывающие доверие и чувство причастности к земле своих предков, вынуждены ее покинуть, стать изгнанниками.

Содержание языкового знака *земля*, как можно предположить, адекватно воссоздается в переводе [4] следующими знаками *earth, land, soil, ground*, благодаря чему читатель в полной мере осознает масштаб катастрофы, вынуждающий людей отказаться от привычной картины мира и способов взаимодействия с ним. Ассоциативный фон английских языковых знаков, в частности слова *ground*, позволяет передать трагедию совершения преступления против живого, утраты привычного мира; однако отсутствие ассоциаций с родом, предками, родиной у перечисленных знаков вынуждает переводчика в случаях, когда эти коннотации существенны, прибегать к эквиваленту *home*.

«Проясняющим» нам кажется выбор переводчиком эквивалента *dust* для знака *земля* в значении ‘человек’, последовательно возникающего во всех контекстах, из которых показателен следующий: *А этот разумный мужик... «Чернобыль, – говорит, – для того, чтобы дать философов». Животных называл «прах ходящий», а человека – «землей говорящей». А «земля говорящая» потому, что мы кушаем землю, то есть из земли строимся...* (с. 138). Имплицитно присутствующий в оригинале интертекст (возможно, неактуальный для персонажа) в переводе получает выражение в виде явной аллюзии: *‘Talking dust’ because dust we are, and to dust we shall return (Ecclesiastes 3:20 All came from the dust and all return to the dust)*, в которой очевидно символическое значение праха – первичной материи, из которой создавался человек, прежде чем был одухотворен и которой он снова становится, завершив жизнь.

Эти коннотации кажутся существенными для толкования эпиграфа произведения. В первичном контексте, взятом из интервью Мераба Мамардашвили 1990 г. (в записи У. Тиронса) – «Мы воздух, мы не земля» – актуализируется оппозиция ‘легкое / тяжелое’: грузинам, по словам фило-

софа, свойственна трагическая легкость, веселый трагизм, талант радости. Свойство это проявляется в кодексе «не быть в тягость окружающим». Философ так объясняет это свойство: «Запрещено переносить на плечи других тяжесть собственной судьбы и своих собственных бед. Нельзя жаловаться. Нужно пить, веселиться. Талант незаконной радости или талант жизни – он действительно одна из исторических ценностей культуры. Ну есть, есть у грузин талант радости. <...> Мы, грузины, – воздух, мы не земля! И это окупается» [5].

Между эпиграфом и вводным эссе автора связь не отмечается, зато обращают на себя внимание слова одного из героев, который говорит о белорусах, что это люди земли, а не неба: «У нас, белорусов, нет Толстого. Нет Пушкина. А есть Янка Купала... Якуб Колос... Они писали о земле... Мы люди земли, а не неба. Наша монокультура – картошка, мы ее копаем, садим и все время в землю глядим. Долу! Вниз! А если вскинет человек голову, то не выше аистиного гнезда. Ему это уже и высоко, это и есть для него небо. А неба, которое зовется космосом, у нас нет, в нашем сознании оно отсутствует» (с. 314). В интересующих нас лексемах актуализируется иная, чем у Мамардашвили, семантика – ‘далекая/близкая перспектива’, может быть, ‘временное/вечное’. Заметим, что мысль персонажа, не вошедшая в авторскую главу, минимализацию произведения, тем не менее опосредованно возникает в словах автора, она актуализирована в одном из интервью, в том фрагменте, когда С. Алексиевич объясняет, как для нее отличаются белорусская и русская культуры: «Можно смотреть на мир с большой высоты, космической, а можно смотреть с высоты гнезда аиста. Белорусский взгляд. И ничего в этом удивительного нет. Это разные самодостаточные культуры. Совсем другое освещение, когда смотришь на все наше не только из истории, но из космоса. Мир тогда един, в нем не только человек во главе, но и птица, и дерево. Все жизнь. Этому я научилась у Чернобыля» [6].

Коммуникативное содержание многоголосой документальной прозы С. Алексиевич выражается в пространстве интертекста – путем непрямого столкновения множества точек зрения, диалога, имеющего «горизонтальное» (диалог автора с героями) и «вертикальное» (диалог автора с культурным контекстом) измерения, для экспликации смысла оказываются значимыми на первом уровне концептуальные метафоры и бленды, а на втором – взаимоотношения голоса персонажа и текста эпиграфа.

Особое значение приобретает ассоциативный фон аксиологом *воздух* ‘вечное’, ‘космическое’ и *земля* ‘расположенное внизу’, ‘связанное со смертью’. Таким образом, на интертекстуальном уровне, автором выражается идея необходимости приобретения иной перспективы, «позитивного» взгляда на мир, позволяющего не пугаться, а осмысливать новый опыт, менять свою систему ценностей, если она не способна помочь справиться с ситуацией. Более того, в мире после Чернобыля, в новой истории катастроф – это, по мысли автора, единственный путь к сохранению жизни на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сивакова, Н. А. Документальная проза Светланы Алексиевич / Н. А. Сивакова // Слова і час: навук. чытанні, прысвечаныя памяці праф. У. В. Анічэнкі: у 2 ч. Ч. 1. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. – С. 240–244.
2. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Яз. слав. культур, 2007. – 248 с.
3. Алексиевич, С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего / С. Алексиевич. – М.: Время, 2007. – 384 с.
4. Alexievich S., Chernobyl Prayer: A Chronicle of the Future / S. Alexievich ; tr. by Anna Gunin, Arch Tait. – London: Penguin Classics, 2016. – 293 p.
5. Мамардашвили, М. К. Одиночество – моя профессия / М. К. Мамардашвили [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/mmk/odinoch.html>.
6. Юферова, Я. Почему люди говорят ей то, чего не рассказывают другим / Я. Юферова // Российская газета. – 2008. – 30 мая (размещена на сайте <http://www.alexievich.info/articles.html>).

The article aims to analyze the linguistic sign *zeml'a* (земля) in the dialogical structure of the text of Svetlana Alexievich's book *Chernobyl Prayer* and its translation into English. The axiologeme *earth* receives an adequate reconstruction in the translation which takes into account the associative background of the signs *earth, land, soil, ground, dust, home*, thanks to which the reader of the translated text is fully aware of the scale of the catastrophe that forced people to change the usual picture of the world and ways of interacting with it.

Поступила в редакцию 02.09.2020

А. В. Дубасова

ЛАТЫШСКИЕ ГЛАГОЛЫ НА *-ĒT*: ОБЗОР РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В статье на материале «Этимологического словаря латышского языка» анализируются значения двусложных глаголов с суффиксом *-Ē-*. В современном латышском языке только этот старый суффикс не является указанием на спряжение глагола. Анализ проводится с точки зрения словообразующей базы и полученного категориального значения (в частности, каузативного и итеративно-дуративного). Анализ показал наличие связи между историческим значением суффикса *-Ē-* и спряжением глагола.

В современном латышском языке выделяются три спряжения глагола, а сами глаголы делятся на первичные (имеющие односложный корень) и производные [1, 1pp. 545–547]. В данной статье будут рассматриваться только такие производные глаголы, которые образованы от односложной основы с помощью суффикса *-Ē-*, не имеющего значения в современном языке, т.е. фактически являющегося тематическим гласным.